

...1997 год. В Доме-музее Цветаевой, что в Борисоглебском переулке, идет презентация книги стихов Инны Лиснянской "Из первых уст". В глубокой тишине зала звучит ее напряженный голос:

...Не ищите меня, не ищите

Средь оправданных иль не прощенных.

Я ни в чьей не нуждаюсь защите

И ни в чьей не нуждаюсь подмоге —

Не ищите меня, не ищите.

На себя же наткнетесь в итоге.

Думалось: сколько же должно быть внутренней силы в этой женщине...

И вот — новая встреча с Инной Лиснянской. Мы беседуем у нее дома в связи с недавним присуждением ей литературной премии Александра Солженицына.

— Инна Львовна, позвольте передать вам сердечные поздравления от "Труда".

— Спасибо, ваша газета мне близка.

— Это первая ваша литературная премия?

— Высокая — да. И вот сразу — от великого писателя и великого человека. Три года тому назад я была удостоена премии поэтического альманаха "Арион", которому обязана за помощь и поддержку.

— 90-е годы стали для вас переломными: в России были изданы ваши главные книги стихов "Воздушный пласт", "После всего", "Одинокий дар", "Из первых уст", "Ветер покоя". Вас охотно печатают "толстые" журналы, и вот, наконец, — эта премия. Скажите, после долгих лет отсутствия в официальной советской литературе — как вы восприняли эти перемены?

— Я страстно хотела перемен, но и опасалась их, зная, какие мы, как можем метаться из крайности в крайность. Я очень боялась того, что впоследствии и случилось...

— Вы имеете в виду те негативные перемены, которые произошли в нашем обществе?

— Перемены-то произошли, народ живет иначе, но опять плохо. Мне перемены, в частности свобода слова, — во благо: мои книги издаются в России. Грустная радость — когда ты пишешь для русского читателя, а твои стихи выходят в свет за рубежом. Но я не витаю в облаках, я здесь и делю

Инна ЛИСНЯНСКАЯ:

МОЯ РОДИНА — РУССКАЯ РЕЧЬ

судьбу своего народа.

— Присуждение вам премии Солженицына, на мой взгляд, символично. Вы прошли и через преследования властей, и был выход в 1980 году вместе с мужем поэтом Семеном Липкиным из Союза писателей, и был запрет на публикации, и самиздат, и тамиздат... И тем не менее вы не

уехали из России, не эмигрировали...

— Почему я не эмигрировала? В то трудное время насчет меня было заготовлено райисполкомом решение, санкционированное органами КГБ, — выслать из Москвы. Вкратце суть разговоров со мной такова: не позволим вам сидеть на двух стульях — жить здесь, а печататься там. Либо покайтесь публично, либо уезжайте. Я тогда сказала открыто: ваша власть, можете посадить, можете выслать. Но на Запад уеду только в наручниках. После участия в неподцензурном альманахе "Метрополь" в знак протеста против исключения из СП молодых прозаиков Евгения Попова и Виктора Ерофеева мы с Липкиным вышли из писательского союза. В

слова и многолетне явленную в нем поэзию сострадания". Каково поэту в жизни подтверждать эти высокие оценки?

— Отстаивать Слово поэту всегда тяжело, но это естественно, как дышать. Я пишу от первого лица, но стремлюсь вобрать в свое "я" множество человеческих судеб. У меня есть стихи:

Пишу стихи простецкие

Под маской дневника,—

В них мира мысли детские

И старости тоска.

Так жизнь и смерть

в таинственном

Присутствии Творца

Рекут в числе единственном

От первого лица.

— Вы хорошо знаете своего читателя? — Прежде всего мои читатели, как мне думается, немногочисленны, к тому же они разные. Есть знатоки поэзии, есть и такие, кого принято называть "простыми людьми".

Юрия Олеши есть такие слова: "Я увидел позор в том, что столько внимания уделяется у нас писательскому труду". Сегодня труду писателя не уделяется особого внимания. Вы считаете это естественным?

— Я смотрю на это как на нормальное явление. В СССР писатели за прекрасным, но редким исключением служили государству. Тоталитарному режиму нужны воспеватели. В царской России этого не было. Литературную судьбу писателя решали читатели, критики, а не государство. Сейчас большинству литераторов сложно перейти к новому пониманию своего статуса в обществе, нужно что-то переломить в сознании, быть может, освоить вторую специальность. Писателям трудно, но трудно всему народу России. Эти трудности надо претерпеть.

— Пресса пишет и о других явлениях в среде, якобы "дела-

Труд. — 1999. — 26 марта. — с. 8

своем заявлении о выходе я подчеркивала, что моя родина — русская речь. Понимаете, не географическое понятие, не понятие крови, а — речь. Я не могу жить, так уж устроена, в иной звуковой среде, в иноземной речи.

— Из Литфонда вас тоже "попросили"?

— Я полагала, что Семена Липкина хотя бы в поликлинике Литфонда оставят, так как он участник Великой Отечественной и по закону его не имели права лишать поликлиники. Куда там! Выгнали...

— А помните — Борис Пастернак после травли в связи с присуждением ему Нобелевской

Но как ни странно, и те и другие сходятся на одном: несмотря на трагическое содержание моих стихов, они дают душе успокоение.

— А как к вам относятся писатели, критики?

— Без особого интереса. Но были и есть исключения. Однажды, выслушав несколько моих стихотворений, их похвалил Пастернак. Высоко оценил мои стихи Бродский в газете "Русская мысль". Писали о моих сборниках замечательные поэты Юрий Кублановский, Татьяна Бек, Евгений Рейн. Серьезную работу о моем творчестве опубликовал в журнале "Континент" Станислав Рассадин.

ющей" искусство, — когда, скажем, все лавры достаются одной и той же группке лиц.

— Нет, не все лавры. Лаврами должностельства в литературе увенчивает Время.

— В вашей семье сразу два литератора: вы и ваш супруг Семен Липкин. Легко уживаетесь?

— Уже 32 года мы вместе. Мы поздно встретились, но встречу нашу я восприняла как служение ему в первую очередь. Моя первейшая забота — о Семене Израилевиче. Быт наш складывался непросто, но любовь питала вдохновение. И потом мы люди верующие, хоть разных конфессий. А истинно верующий всегда уважает другого верующего. Еще нас объединили неприятие советской системы, общность понимания жизни и искусства. Но главное — любовь.

— Знаю, что прогнозы делать трудно. И все же хочу спросить: какими видятся вам пути развития русской поэзии в XXI веке?

— У меня простое понимание развития русской поэзии. Не все, что ново, — талантливо, но все, что талантливо, — ново. К тому же я убеждена, что традиции русского стиха непобедимы. Уже сейчас видно, что те, кто демонстративно откровенно от традиций, возвращаются на круги своя — к классике, к Пушкину.

— Грядет 200-летие со дня рождения величайшего нашего поэта. Есть ли у вас неюбилейные мысли в канун юбилея Александра Сергеевича?

— У меня и в юбилейные дни, и в неюбилейные одна мысль: Пушкин не только прекрасное прошлое нашей словесности, но и прекрасное будущее.

— Скажите, какие главные уроки вынесли вы из своей столь насыщенной событиями жизни и что бы вы пожелали "племенному молодому, незнакомому"?

— Наш народ — удивительный, долготерпеливый народ, достойный лучшей жизни, молодым людям я желаю прежде всего радости свободного труда и прочной его оплаты. Пусть каждый на своем месте делает свое дело, но не делает его от всей души, от всего сердца. Труд — это тоже вдохновение.

Вел беседу Владимир КОРОБОВ.

А.И.СОЛЖЕНИЦЫНУ

Что за мельник мелет этот снег,
Что за пекарь месит эту выюгу?
Делается волком человек,
Волком воет, да на всю округу.
Где же лекарь русскому недугу?

Ничего я нынче не пойму,
В голове ни складу и ни ладу.
Ломтик льда я за щеку возьму,
Глядь — и подморозится насада
Хоть на миг...

А большего не надо.

1995.

Жестокого мира певучесть,
Крылатых существ письмена...
Дана мне чудесная участь
Чужие любить имена.

Как славно, живя по-сиротски,
К щемящим взывать именам —

Есенин... Ахматова... Бродский...

Цветаева... Блок... Мандельштам... —

И к ним приходите на свиданья
Под пенью летучих цитат
И не находите оправданья
Себе, и молчать не впопад.
19 июня 1998.

ЖИЗНЬ

Улыбкой слезу
Стираю с лица, —
Кому же к лицу
То хворь, то ленца?

Хочу — не в подъем,
В подъем — не хочу. —
Вот так день за днем
Я жизнь волочу.

А жизнь между тем
Меня, хошь не хошь,
Торопит, тандем
В итоге — хорош:

Снимает, как смерч,
С насиженных мест, —
Она — моя речь,
А я — ее жест.
1 июня 1998.

премии остался членом Литфонда.

— Да, они учли ту свою ошибку. Литфонд был какой-никакой материальной поддержкой: можно было сосуду получить, поехать в дом творчества, наконец, продовольственные "заказы" выкупать. На прилавках почти ничего не было, а у членов Литфонда была привилегия — выстаивая очереди, все-таки знать, что до мяса, масла и сгущенки достоишься... Однако из Союза писателей мне следовало выйти еще раньше, когда исключали моего друга Лидию Корнеевну Чуковскую, Владимира Корнилова, когда выслали из страны Александра Исаевича Солженицына.

— Альманаху "Метрополь" исполнилось недавно двадцать лет. Каково ваше сегодняшнее отношение к нему?

— "Метрополь" по своему замыслу — явление исключительное. Это было первое коллективное выступление писателей разных направлений против цензуры. Поэтому власти так тогда и "завелись".

— Обоснование решения жюри, присудившего вам премию, звучит так: "За прозрачную глубину стихотворного русского

В 1992 году, 30 мая, в Переделкине, в день смерти Пастернака у его могилы я познакомилась с Натальей Дмитриевной Солженицыной. Она совершенно неожиданно для меня сказала: "Вы знаете, Александр Исаевич очень любит ваши стихи". Для меня это было удивительно радостным событием, дающим сильный творческий импульс. В 1993 году я получила от Александра Исаевича письмо о моем сборнике "Дожди и зеркала", вышедшем в Париже в издательстве "YMCA-PRESS". Нехорошо хвастаться, но мне хотелось читать это письмо вслух всем, так оно меня, не избалованную похвалами, потрясло.

— Ваши детство и юность прошли в Баку?

— Я родилась в этом городе, выросла, ходила в школу, с начала войны работала в госпитале. Мне было тогда 13 лет, об этом я написала в поэме "В госпитале лицевого ранения". Я помогала раненым, пела для них, писала письма под их диктовку, сворачивала им самокрутки — "козьи ножки". А потом научилась и перевязки делать...

— Инна Львовна, в недавно вышедшей "Книге прощания"